

Е.О. Опарина

**ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ЯЗЫКОВ
В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ: ПОЛИТИЧЕСКИЕ
И КУЛЬТУРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ БИЛИНГВИЗМА
НА ПОСТСОВЕТСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ**

*Институт научной информации по общественным наукам РАН
Москва, Россия, ellenoparina@gmail.com*

Аннотация. В работе на ряде примеров рассматриваются вопросы функционирования национальных языков (языков титульных наций, или титульных языков) на территории бывшего Советского Союза.

Независимые государства, возникшие после распада СССР, и административно-территориальные образования, входящие в состав Российской Федерации, своей языковой политикой законодательно обеспечили статус этих языков как официальных и стремятся способствовать расширению сфер их применения. Исторически на их территориях сложилась ситуация национально-русского двуязычия (в ряде случаев – многоязычия), которая в настоящее время характеризуется своей спецификой. Эти особенности напрямую касаются взаимоотношений разных этноязыковых групп населения.

Ключевые слова: национальные (титульные) языки; билингвизм vs монолингвизм; государственные (официальные) языки; языковая политика; языки в образовании; языки в СМИ; языковые конфликты.

Поступила: 25.01.2018

Принята к печати: 15.03.2018

E.O. Oparina

Interaction of languages in contemporary world: Political and cultural characteristics of bilingualism on the «post-Soviet» space

*Institute of scientific information for social sciences
of Russian academy of sciences*

Moscow, Russia, ellenoparina@gmail.com

Abstract. The article deals with the functioning of national languages in independent states and RF republics that formerly were part of the Soviet Union. National languages under investigation are sometimes referred to as «title languages», or «the languages of title nations» (to single out the fact that their speakers belong to the ethnic group, that gave the name to the state / republic).

These languages, being official, are supported by law and state institutions as instruments of ethnic and cultural identity, and they are supposed to be applied in all spheres of social life. Along with this, Russian–national language bilingualism, that was formed in different regions of the «post-Soviet» space historically, now brings about specific features to languages functioning and languages teaching, as well as to the interrelation of ethnic and cultural groups.

Keywords: national languages in the «post-Soviet» states; bilingualism vs monolingualism; state (official) languages; language policy; languages in the system of education; languages in mass media; language conflicts.

Received: 21.01.2018

Accepted: 15.03.2018

Взаимодействие языков и культур в современном мире имеет множество граней и характеров проявления. В значительной степени актуальность данной проблематики обусловлена современными социально-политическими тенденциями. Явление, обычно называемое глобализацией, хотя и не может быть, как нам представляется, принято в прямом смысле, обусловленном внутренней формой термина (это явление или процесс реально не включает в себя весь мир, т.е. не является глобальным – global), все же реально затрагивает большое количество стран. Его результатом стало то, что во многих странах и регионах сегодня сосуществование языков в той или иной форме представляет собой норму. Такое положение связано с тенденциями социально-политического и культурного характера, например с усилившейся миграцией или с давно сложившимся двуязычием / многоязычием страны или региона. Большое значение имеет также фактор распространения мощных во всех отношениях – мажоритарных – языков, прежде всего английского, который в настоящее время доминирует в меж-

национальном общении, включая наиболее престижные сферы коммуникации.

В этой работе мы рассмотрим ситуацию взаимодействия русского языка с некоторыми из тех языков, с которыми он находится в наиболее тесных отношениях. Под определением «тесные» мы имеем в виду не генетическое родство или структурные характеристики языков, а пространственную и исторически сложившуюся близость, которая долгое время поддерживалась их контактами в пределах Советского Союза. Например, отношения русского языка с казахским – сегодня титульным языком независимого государства – веками складывались в результате того, что на территории современного Казахстана издавна жили рядом казахи и русские и в течение многих десятилетий Казахстан входил в состав СССР. Сама Россия, являясь многонациональным федеративным государственным образованием, имеет в своем составе автономные республики и регионы, в которых есть, как правило, не один только язык титульной нации, но и ряд других языков, включая тот же русский.

Языковая ситуация на постсоветском пространстве имеет определенные особенности. При распаде Советского Союза в 1991 и в начале 90-х годов XX в. защита и развитие национальных языков были провозглашены главными целями национальной культурно-языковой политики. «Свой» язык (имелся в виду опять же язык титульной нации) должен был пользоваться поддержкой со стороны государственных органов новых стран и автономных республик внутри Российской Федерации. Благодаря этому, как планировалось, он должен был получить распространение во всех областях жизнедеятельности – в повседневном общении, в образовании, в СМИ, в делопроизводстве и профессиональных сферах.

С того времени прошло более четверти века. Исследователи «постсоветского универсума»¹, анализируя современную ситуацию с положением языков, выявляют некоторые закономерности процесса и его результаты. Их общей «исходной» характеристикой является то, что национальные (титульные) языки в этот период в той или иной форме вступили в конфликт с русским, который ранее был государственным языком всего Советского Союза. Рус-

---

¹ Термин заимствован из коллективной монографии, выпущенной издательством НЛО [Настройка языка..., 2016]. – *Прим. авт.*

ский официально декларировался как «язык межнационального общения» и действительно выполнял эту функцию на территории страны, как и сейчас выполняет функцию языка-посредника в общении представителей разных народов [Закирьянов, 2017]. Однако во вновь возникших независимых государствах выявилась и другая сторона ситуации, а именно то, что русский язык воспринимался частью их населения, иногда довольно значительной, как инструмент имперской политики России (и Советского Союза) и подавления национальных культур. Общей тенденцией стало стремление избавиться от доминирования русского языка и русской культуры. Поэтому вопрос о «своем» национальном языке и его отношениях с русским стал частью политических, исторических и идеологических дискуссий.

Острота споров «о национальном и русском» в независимых странах, возникших на постсоветском пространстве, известна не только специалистам по языковой политике, политологам и культурологам. Она затронула массы населения, нашла и находит отражение в СМИ, и вплоть до настоящего времени существуют противоположные точки зрения на этот вопрос. Тема языка неминусом оказывается связанной с вопросами истории и политики, и, что никак не менее важно, с формированием народами новых независимых государств и республик внутри РФ собственной национально-культурной идентичности. Накал дискуссий проявляется и на языковом уровне, в применяемых терминах: с одной стороны, «дружба народов», «братство народов» и, соответственно, «язык дружбы и братства», с другой – «оккупация» и «русификация» [Савицкий, 2016]¹.

За годы, прошедшие со времени распада СССР, языки титульных наций действительно закрепили свое институциональное положение: в новых государствах и на территориях национальных образований в составе Российской Федерации они пользуются ста-

---

¹ Как полагает Е. Савицкий, в настоящее время объективный исторический нарратив об этом аспекте прошлого России невозможен, причем не только вследствие резкого различия оценок, но также ввиду отсутствия приемлемого языка. Жесткая альтернатива «дружба народов» vs «оккупация» является ловушкой для исследователя. Но и «объективный подход» часто оборачивается у современных российских историков и историографов менторским тоном и опорой на привычные иерархические категории, что опять же проявляется в языке описания [Савицкий, 2016, с. 23–25]. – *Прим. авт.*

тусом государственных языков, которые охраняются законом и должны использоваться во всех сферах общественной жизни. Преподавание этих языков в школах и других образовательных учреждениях, при вариантных формулировках законодательства в области образования, является обязательным.

Каким образом произошедшие изменения повлияли на функционирование национальных языков и на взаимоотношения этнокультурных групп, одной из которых, как правило, являются представители русского и русскоязычного населения? Каковы мотивы, обуславливающие применение того или иного национального языка в разных сферах жизни, или же, наоборот, отказ от него? Какой характер носит билингвизм в этих государственных образованиях? В данной работе предпринята попытка проанализировать эти вопросы на примере ряда ситуаций, каждая из которых характеризуется определенной спецификой.

В Республике Казахстан с самого начала государственной самостоятельности власти уделяли большое внимание вопросам языковой политики, прежде всего развитию казахского языка. В 2007 г. Президент Казахстана Н. Назарбаев обнародовал концепцию «триединства языков», которая предполагает три (при другом подходе их можно рассматривать как четыре) стратегические цели в языковом развитии: «расширение и укрепление социально-коммуникативных функций государственного [казахского] языка; сохранение культурных функций русского языка; развитие языков этнических групп и внедрение английского языка в деловое общение» [Ним, 2016, с. 388]. Демографическая ситуация в Казахстане складывается следующим образом: за прошедшее с 1991 г. время русская диаспора в этой стране значительно уменьшилась (в том числе из-за миграции русского населения) и постарела, титульный же этнос увеличился численно и помолодел. Сдвиг в сторону моноэтнического общества способствует тому, что русский язык теряет свою демографическую базу. Однако и властными структурами, и значительной частью казахского населения признается, что казахский язык, будучи по правовому статусу в стране выше русского, по уровню своего развития пока что менее приспособлен для целей современного общества и нуждается в модернизации.

Русский язык продолжает занимать достаточно сильные позиции в Казахстане. Этот фактор проявляется в одной из важнейших сфер современного общества – информационной. В медиа-

пространстве страны русскоязычные массмедиа доминируют. Многие русскоязычные печатные СМИ имеют здесь общенациональный статус. Это издания: «Казахстанская правда», «Вечерний Алматы», «Время»; выходят также российские газеты с региональными вкладками: «Аргументы и факты», «Новая газета», «Комсомольская правда». Популярны и российские интернет-СМИ. При этом в казахстанских СМИ, в том числе электронных, активно обсуждаются вопросы языковой ситуации. Авторами комментариев являются и казахи, и русские. Например, у большинства интернет-пользователей и многих адресатов других массмедиа вызывают критику и весьма ироническое отношение «пуристические» попытки, такие как желание перевести на казахский язык все международные термины. Вместе с тем проявляются опасения, что государственная языковая политика на деле обеспечит английскому и русскому языкам господство во всех общественно важных сферах, а казахский совершенно потеряет коммуникативную роль. И сегодня значительная часть городского населения Казахстана продолжает говорить по-русски в повседневной жизни и в профессиональной сфере [Ним, 2016].

Сильные позиции русского языка учитываются в системе образования страны: казахско-русское двуязычие рассматривается как важное условие успешной профессиональной деятельности выпускников высших школ. В частности, его необходимость объясняется студентам-репатриантам, которые получили образование за границей и вернулись в Казахстан: они обычно на высоком уровне владеют родным казахским языком, однако менее знакомы с реальной культурно-языковой ситуацией в стране [Маймакова, 2016].

В Республике Татарстан в начале 90-х годов XX в., во время установления ее суверенитета в составе Российской Федерации, языковой вопрос был одним из наиболее конфликтных, вызывая протестную активность со стороны как татарских национальных движений, так и активистов русских и русскоязычных обществ [Ходжаева, 2016]¹. В центре разногласий и споров до настоящего времени часто находится вопрос о «титульном» языке в сфере образования, прежде всего – о его преподавании в школах. В рас-

---

¹ Е. Ходжаева приводит в качестве примера деятельность Общества русской культуры и интернет-сообщества «Русский язык в школах Татарстана» [Ходжаева, 2016, с. 286–287]. – *Прим. авт*

сма­три­вае­мом слу­чае не­до­воль­ство си­ту­а­ци­ей из­на­чаль­но вы­ска­зы­ва­лось с обе­их сто­рон эт­но­на­ци­о­наль­но­го со­ста­ва ре­спуб­ли­ки.

Рус­ско­языч­ные жи­те­ли Та­тар­ста­на бы­ли не­до­воль­ны тем, что рус­ский язы­к во всех шко­лах ре­спуб­ли­ки, в том чис­ле рус­ско­языч­ных, дол­жен был пре­по­да­вать­ся как не­род­ной, в то вре­мя как та­тар­ский – как род­ной для всех. Это от­ра­жа­лось на объ­еме пре­по­да­ва­ния язы­ков и бы­ло рас­це­нено как уще­мле­ние прав рус­ско­го и рус­ско­языч­но­го на­се­ле­ния. Ак­тив­ис­ты та­тар­ских на­ци­о­наль­ных дви­же­ний, со своей сто­ро­ны, на­ста­ива­ли на праве школь­ни­ков из та­тар­ских се­мей изу­чать свой язы­к как род­ной во всех шко­лах ре­спуб­ли­ки и по­лу­чать об­ра­зо­ва­ние на род­ном язы­ке¹.

К на­сто­яще­му вре­ме­ни та­тар­ский язы­к в том или ином объ­еме пре­по­да­ет­ся во всех шко­лах Та­тар­ста­на бо­лее двух де­ся­ти­ле­тий. В ис­сле­до­ва­нии, ос­но­ван­ном на оп­ро­сах жи­те­лей Ка­зани и на ана­ли­зе ста­ти­сти­че­ских дан­ных, де­ла­ют­ся оп­ре­де­лен­ные вы­во­ды о ре­зуль­та­тах язы­ко­вой по­ли­ти­ки. Пре­жде все­го кон­ста­ти­ру­ет­ся, что та­тар­ский язы­к пер­естал бы­ть сред­ством толь­ко до­ма­ш­не­го об­ще­ния – он ши­ре пред­став­лен в СМИ и в об­ще­ствен­ных мес­тах. Мно­гие рус­ско­языч­ные жи­те­ли Ка­зани по­ни­ма­ют не­об­хо­ди­мость его зна­ния хо­тя бы на ба­зо­вом уров­не. По­зи­тив­ные для раз­ви­тия та­тар­ско­го язы­ка сд­ви­ги спо­соб­ст­вуют сни­же­нию меж­на­ци­о­наль­ной на­пря­жен­но­сти в ре­спуб­ли­ке [Ход­жа­ева, 2016].

Вме­сте с тем есть и по­ка­за­те­ли то­го, что язы­ко­вая по­ли­ти­ка по про­дви­же­нию ти­туль­но­го язы­ка не во всем дос­ти­гла своей це­ли. До на­сто­яще­го вре­ме­ни та­тар­ский язы­к не стал сред­ством меж­на­ци­о­наль­но­го об­ще­ния в Та­тар­ста­не. Так, в про­фес­си­о­наль­ной об­ла­сти он оста­ет­ся ос­но­вным сред­ством ком­му­ни­ка­ции толь­ко в мес­тах ком­пакт­но­го про­жи­ва­ния та­тар, в Ка­зани же та­кая си­ту­а­ция прак­ти­че­ски не встре­ча­ет­ся. В сфе­ре об­ра­зо­ва­ния си­ту­а­ция так­же не яв­ля­ет­ся од­но­знач­ной. Та­тар­ские се­мьи Ка­зани в бо­ль­шин­стве слу­ча­ев вы­би­ра­ют для своих де­тей рус­ско­языч­ные шко­лы: это об­ос­но­вы­ва­ет­ся луч­ши­ми пер­спек­ти­ва­ми для по­сту­п­ле­ния

---

¹ У пред­став­и­те­лей та­тар­ских на­ци­о­наль­ных дви­же­ний так­же вы­звал серь­ез­ное не­до­воль­ство за­ко­но­да­тель­ный акт, вве­ден­ный в 2002 г. цен­траль­ной вла­стью РФ. Со­глас­но это­му ак­ту, все ко­рен­ные язы­ки Рос­сии в обя­за­тель­ном по­ря­дке дол­жны поль­зо­вать­ся ки­рил­личес­кой гра­фи­кой. В са­мом Та­тар­ста­не за год до это­го бы­ло за­ко­но­да­тель­но оформ­ле­но при­ня­тие ла­тин­ской гра­фи­ки как ос­но­вы для даль­ней­ше­го раз­ви­тия та­тар­ско­го язы­ка [Ход­жа­ева, 2016, с. 287]. – *Прим. авт.*

в вузы и будущего профессионального роста, в том числе в связи с более качественным преподаванием иностранных языков.

Со стороны русскоязычного населения, при общем признании необходимости знания основ татарского языка, нет массового стремления к двуязычию. Полученные молодым поколением в школе базовые знания языка носят в основном пассивный характер и быстро утрачиваются из-за отсутствия практики его применения. Интервьюируемые жители Казани отмечают, что лишь в ограниченном количестве профессий знание татарского языка действительно необходимо, например в сфере услуг. По-прежнему критике подвергаются разные аспекты его преподавания и освоения: вызывают недовольство обязательность преподавания татарского языка и объем его изучения; участники опроса жалуются на трудность языка для тех, кому он не является родным; высказываются соображения о нежелании тратить время, в том числе школьное, на изучение языка, который не будет нужен практически [Ходжаева, 2016].

Таким образом, распространение татарского языка как средства межнационального общения в Татарстане сдерживается такими факторами, как недостатки системы преподавания, отсутствие субъективного стремления к его изучению, а также соображения о «престижности» / «непрестижности» языка.

Сходные факторы, в специфическом проявлении, прослеживаются в функционировании мордовских языков (эрзянского и мокшанского) в другом административно-территориальном образовании РФ – в Республике Мордовия. Эта республика является полиэтнической, причем носители мордовских языков находятся на территории Мордовии в меньшинстве. Однако мордовские языки давно преподаются в школах (в 60–70-е годы родители получили право выбирать язык обучения для своих детей), и с советских времен сохраняется инфраструктура институциональной поддержки титульных языков [Богатова, 2016]. И в настоящее время также делается немало для сохранения эрзянского и мокшанского языков, для расширения сфер их применения. С начала XXI в. введено обязательное преподавание одного из мордовских языков в школе – объем их преподавания зависит от того, на каком языке в данной школе ведется обучение. Издаются многочисленные учебные пособия и словари. Опросы показывают, что знание представителями титульного этноса своих родных языков сохраняется на прежнем

уровне: около 60% респондентов мордовской национальности владеют одним из двух мордовских языков. Наряду с этим предпринимаются меры для распространения мордовских языков в СМИ: выпускаются теле- и радиопередачи, издаются республиканские газеты на этих языках.

Тем не менее в настоящее время русский язык доминирует в Мордовии во всех сферах общественной жизни и в межэтническом общении¹. Данные опросов, проведенных за последние десять лет, показывают, что русским языком владеют практически все представители нерусского населения республики. При этом практически все русские остаются монолингвами. Во многих школах, которые в 90-х годах планировалось сделать национальными, языком обучения в итоге стал русский. Большинство мордовского населения выбирает для своих детей школы с русским языком обучения и с преподаванием мордовского языка и литературы как предметов. Главными причинами сложившегося положения являются демографическая ситуация и практические соображения. Русский язык рассматривается населением как инструмент достижения успехов в профессиональной деятельности. В качестве социально-экономической причины предпочтения русского языка выступает возросшая миграция населения – переезд в город (в пределах республики или вне ее) на учебу или работу, отъезд на другое место жительства. Русский язык является важным ресурсом такой мобильности.

Таким образом, в настоящее время в Республике Мордовия, несмотря на сильную поддержку титульных языков государственными институтами, языковая ситуация сводится к следующим вариантам: русское одноязычие и национально-русский билингвизм. Ситуация не является однозначно негативной для мордовских языков: языкового сдвига в сторону русского не произошло; доля билингвов, использующих и русский, и один из мордовских языков в общественной сфере и дома, согласно опросам, увеличивается. Однако в целом, как отмечает исследователь, символическая и политическая функции мордовских языков как знаков этнокультурной и республиканской идентичности явно преобладают над практической [Богатова, 2016].

---

¹ В Мордовии кроме русских и мордвы имеется татарское население – около 5% от общей численности [Богатова, 2016]. – *Прим. авт.*

Рассмотренные ситуации с языками на постсоветском пространстве позволяют, как нам представляется, сделать следующие выводы.

Во-первых, одна лишь институциональная поддержка национальных (титульных) языков сама по себе не обеспечивает языку укрепления и расширения функций. Большую роль играет такой фактор, как готовность языка к обеспечению различных сфер жизнедеятельности современного общества, его способность развиваться и модернизироваться [Ним, 2016]. Этот фактор необходимо учитывать в языковой политике.

Во-вторых, существуют «субъективные» факторы, которые, как нам представляется, следует отделять от языковой политики, осуществляемой государственными институтами. Мы имеем в виду прежде всего отношение самих носителей языка к своему языку, их соображения о «престижности» этого языка и его перспективах как средства коммуникации в будущем. Это обстоятельство ярко проявляется в отношении носителей языка и иноязычных жителей регионов к преподаванию того или иного титульного языка в школах и других образовательных учреждениях.

В-третьих, проанализированные ситуации подтверждают тот факт, что в мире становится все меньше моноязычных регионов. На постсоветском пространстве, как свидетельствуют рассмотренные в данной работе исследования, развитие и поддержка билингвизма осуществляются «с двух сторон». С одной стороны, это стремление носителей национальных (титульных) языков в новых государствах и административно-территориальных образованиях к реализации конституционных прав в целях сохранения и развития своих языков и этнокультурной идентичности. С другой стороны, значительную роль в сохранении и развитии билингвизма этих регионов играет стремление носителей русского языка сохранить права родного языка и его роль как основного компонента собственной культурно-языковой идентичности.

В заключение приведем пример отношения к билингвизму и многоязычию в государстве, не принадлежащем к постсоветскому пространству, но имеющем длительную историю контактов с Россией, а именно в Финляндии.

Государственная политика Финляндии рассчитана на поддержку многоязычия, которое позволяет человеку стать более мобильным и конкурентоспособным членом общества, в том числе за

пределами своей страны. Программа языковой политики страны была сформулирована коллективом авторов, в числе которых и лингвисты [Report of the Government..., 2013]. В ее обсуждении участвовали также представители образовательных учреждений и общественных организаций. Авторы программы и участники дискуссии исходили из того, что языковая политика должна отвечать потребностям и целям современного общества. Финский язык рассматривается в этой программе как основа финской идентичности, он должен остаться важнейшим средством коммуникации в стране; должен сохранить свою роль и второй государственный язык – шведский.

По прогнозам специалистов, монолингвов в Финляндии уже в ближайшем будущем, скорее всего, не будет. Финноязычные и шведоязычные жители страны изучают в школах не только оба государственных языка, но и другие иностранные языки, среди которых русский занимает не последнее место. Но и финский язык сегодня изучают и говорят на нем люди, для которых он не является родным [Протасова, 2016]¹.

Список литературы

1. *Богатова О.* Социальные факторы формирования и изменения языкового режима в полиэтническом регионе: На примере Республики Мордовия // *Настройка языка: Управление коммуникациями на постсоветском пространстве: Кол. монография.* – М., 2016. – С. 152–174.
2. *Закирьянов К.З.* Место русского языка в полилингвальном мире // *Межкультурная – интракультурная коммуникация: Прецедентный текст в коммуникации: (Материалы Междунар. науч.-практич. конф. г. Уфа, 15–16 дек. 2017 г.).* – М.; Уфа, 2017. – С. 102–107.
3. *Маймакова А.Д.* Русский язык в формировании полиязычной и поликультурной личности студентов – репатриантов Казахстана // *Славянские языки и*

---

¹ Картина изучения иностранных языков в школах современной Финляндии представлена в: [Протасова, 2016] следующим образом: практически все ученики изучают английский; половина – немецкий, пятая часть – французский, 6% изучают русский язык. В новейшее время русскоязычное население Финляндии увеличивается – в основном за счет тех, кто приезжает в страну работать или учиться, но также за счет представителей «смешанных» семей. С 1990 по 2013 г. число говорящих по-русски увеличилось и вследствие репатриации ингерманландских финнов. – *Прим. авт.*

- культуры в современном мире: 3-й Междунар. науч. симпозиум: Труды и материалы (Москва, МГУ им. М.В. Ломоносова, филол. фак-т, 23–26 мая 2016 г.): К юбилею декана филол. фак-та МГУ проф. Марины Леонтьевны Ремневой. – М., 2016. – С. 620–622.
4. Настройка языка: Управление коммуникациями на постсоветском пространстве: Кол. монография. – М.: НЛЮ, 2016. – 448 с.
  5. *Ним Е.* Язык и медиа в постсоветском Казахстане: Казахизация vs русификация // Настройка языка: Управление коммуникациями на постсоветском пространстве: Кол. монография. – М., 2016. – С. 386–414.
  6. *Протасова Е.* Языковая политика в современной Финляндии и русский язык // Настройка языка: Управление коммуникациями на постсоветском пространстве: Кол. монография. – М., 2016. – С. 322–336.
  7. *Савицкий Е. Е.* Между «геноцидом», «оккупацией» и «братством народов»: Языки описания имперского / колониального прошлого в постсоветскую эпоху // Настройка языка: Управление коммуникациями на постсоветском пространстве: Кол. монография. – М., 2016. – С. 21–47.
  8. *Ходжаева Е.* Постсоветская языковая политика в образовательной системе Республики Татарстан // Настройка языка: Управление коммуникациями на постсоветском пространстве: Кол. монография. – М., 2016. – С. 178–212.
  9. Report of the Government on the application of language legislation (RGALL). – Helsinki, 2013. – 138 p.

References

1. *Bogatova O.* Social'nye faktory formirovaniya i izmeneniya yazykovogo rezhima v poliehtnicheskom regione: Na primere Respubliki Mordoviya // Настройка языка: Управление коммуникациями на постсоветском пространстве: Кол. монография. – М., 2016. – С. 152–174.
2. *Zakir'yanov K.Z.* Mesto russkogo yazyka v polilingval'nom mire // Mezhdul'turnaya – intrakul'turnaya kommunikaciya: Precedentnyj tekst v kommunikacii (Materialy Mezhdunar. nauch.-praktich. konf. (g. Ufa, 15–16 dek. 2017 g.)). – М.; Ufa, 2017. – С. 102–107.
3. *Мажмакова А.Д.* Russkij yazyk v formirovanii poliyazychnoj i polikul'turnoj lichnosti studentov – repatriantov Kazakhstana // Slavyanskije yazyki i kul'tury v sovremennom mire: 3-j Mezhdunar. nauch. simpozium: Trudy i materialy (Moskva, MGU im. M.V. Lomonosova, filol. fak-t, 23–26 maya 2016 g.): K yubileyu dekana filol. fak-ta MGU prof. Mariny Leont'evny Remnevoj. – М., 2016. – С. 620–622.
4. Настройка языка: Управление коммуникациями на постсоветском пространстве: Кол. монография. – М.: НЛЮ, 2016. – 448 с.
5. *Ним Е.* Язык и медиа в постсоветском Казахстане: Казахизация vs. русификация // Настройка языка: Управление коммуникациями на постсоветском пространстве: Кол. монография. – М., 2016. – С. 386–414.

6. Protasova E. Yazykovaya politika v sovremennoj Finl'andii i russkij yazyk // Nastrojka yazyka: Upravlenie kommunikacijami na postsovetском prostranstve: Kol. monografiya. – M., 2016. – S. 322–336.
7. Savickij E. Mezhdru «genocidom», «okkupacij» i «bratstvom narodov»: Yazyki opisaniya imperskogo / kolonial'nogo proshlogo v postsovetскую ehposu // Nastrojka yazyka: Upravlenie kommunikacijami na postsovetском prostranstve: Kol. monografiya. – M., 2016. – S. 21–47.
8. Hodzhaeva E. Postsovetская yazykovaya politika v obrazovatel'noj sisteme Respubliki Tatarstan // Nastrojka yazyka: Upravlenie kommunikacijami na postsovetском prostranstve: Kol. monografiya. – M., 2016. – S. 178–212.
9. Report of the Government on the application of language legislation (RGALL). – Helsinki, 2013. – 138 p.